

Группа всадников скакала галопом, ветер дул им в лицо и развевал их одежды.

В столь поздний час ворота дворца были уже давно закрыты, но служащие Западной Ограды выполняли приказ Императора, поэтому никто не осмелился препятствовать им. Проверив их таблички, часовой немедленно открыл ворота. Он собирался задать пару вопросов Тан Фану, но командир группы заткнул ему рот, сообщив, что тот тут по приказу Командующего Вана. Услышав это, императорский гвардеец тотчас изменился в лице и, махнув рукой, пропустил их во Дворец.

Передвигаться по Дворцу верхом было запрещено – никто не смел нарушить этот закон. Лишь первые министры Кабинета и регенты в большинстве случаев имели право въезжать во дворец на небольших паланкинах. Даже высокопоставленные евнухи, вроде Ван Жи и Шан Мина, не были наделены такой привилегией. Посещая дворец, они должны были спешиться и идти пешком. Тан Фан и его спутники, естественно, не были исключением.

Сопровождавшие Тан Фана служащие Ограды очень спешили и поэтому шли быстро. Они были мастерами боевых искусств, и кинувшийся было за ними Тан Фан, вскоре запыхался и отстал. Командиру это не понравилось, и он дал знак двум служащим взять его под руки. Те быстро подхватили Тан Фана и, слегка приподняв, потащили вперед. Отличная идея! Тан Фану не пришлось прилагать абсолютно никаких усилий: зеленых плит на земле касались лишь носки его ног – будто он внезапно приобрел сверхспособность!

А он и не протестовал. Полностью расслабившись, Тан Фан лишь покорно пробормотал:

— Этому скромному... недостает физической силы. Я обременяю вас, господа... Приходится вас беспокоить!

В Запретном городе было темно и тихо, и все же издали можно было увидеть, как в некоторых дворцах горит слабый свет. Изредка им навстречу попадались патрульные с фонарями в руках, да и самой группе пришлось зажечь пару факелов, чтобы осветить себе путь.

Император был самым богатым человеком в мире, но, если бы он захотел осветить весь Запретный город, это бы очень дорого ему обошлось и сильно ударило бы по казне. Тан Фан раньше никогда не видел ночной Дворец изнутри. Воспользовавшись тем, что ему не нужно смотреть себе под ноги, он разглядывал проплывающие мимо него сооружения огромного и величественного Запретного города. Однако они не вызывали в нем трепета или восхищения. Он думал о том, сколько обид и почестей, сколько любви и ненависти, горестей и радостей было скрыто покровом тьмы от посторонних глаз в бесчисленных покоях Дворца.

Если бы не страх нарушить запрет, это могло бы стать отличным материалом для романа!

Мерцающий свет факела освещал необычайно спокойное лицо Тан Фана. На нем не было ни следа паники ни из-за того, что его посреди ночи тащат во дворец, ни из-за страха перед Западной Оградой.

И хотя командир из Ограды не знал, зачем Командующему Вану потребовалось вызывать этого мелкого чиновника во Дворец, поведение Тан Фана заставило его взглянуть на того по-другому.

К счастью, он понятия не имел, о чем сейчас думает Тан Фан, иначе это привело бы его в

состояние крайнего замешательства.

Тан Фан попал сюда лишь во второй раз. Первый был больше трех лет назад, когда объявляли результаты Императорского экзамена. В тот год он зашел во дворец вместе с другими испытуемыми, чтобы в торжественной обстановке в окружении гражданских и военных чиновников поприветствовать Сына Небес.

Сейчас, подумав об этом, он попытался припомнить величественного Сына Небес, но кажется... кхм... он стоял слишком далеко и ничего не увидел.

Тан Фан, в отличие от нас, кто живет сотни лет спустя, никак не мог знать плана Запретного города. Это была резиденция самого Сына Небес, поэтому, дабы защитить Его от злоумышленников, схема Дворца оставалась строжайшим секретом. Если когда-нибудь в будущем Тан Фан станет одним из высокопоставленных чиновников Шести Министерств, он сможет частенько бывать во Дворце, чтобы заниматься политическими делами, и со временем привыкнет к этому.

А прямо сейчас Тан Фан не имел ни малейшего представления о том, куда его ведут, и мог лишь слепо довериться своим спутникам.

Так, миновав бессчётное множество дворцовых ворот и стен, где-то полчаса спустя сопровождавшие его наконец замедлили шаг. Невдалеке виднелся дворец, в котором ярко горел свет и мелькали очертания людей. Его ворота были открыты, а вокруг расхаживало множество патрульных, несших доблестную стражу.

Тан Фан понял, что этот дворец и был местом их назначения.

Служащие Ограды отпустили его, и, стоило его ногам ступить на каменные плиты, как Тан Фан тотчас почувствовал облегчение от того, что может наконец твердо стоять на земле.

Подобный метод передвижения был довольно быстрым, но недостаточно удобным: его руки теперь слегка болели.

— Иди, – бросил напоследок хранивший все это время молчание командир Ограды.

Тан Фан не сдержался и тихо спросил:

— Осмелюсь спросить Ваше Превосходительство, что там внутри?

— Зайдешь и узнаешь, – тот явно не желал отвечать на его вопрос.

Тан Фан лишь хотел морально подготовиться к тому, что его ждет, но одного взгляда на серьезные лица сопровождающих ему хватило, чтобы в его голове мелькнула смутная догадка, и он не стал больше задавать никаких вопросов. Поднявшись за ними по ступенькам, он подвергся длительному тщательному досмотру и строгому допросу со стороны стражи у входа, после чего его наконец пропустили во дворец.

Далее его провожал уже не служащий Ограды, а молодой незнакомый евнух, который,

очевидно, служил тут. Велев Тан Фану ждать, он зашел внутрь. Спустя некоторое время он вернулся и со словами: «Следуй за мной», – снова скрылся за дверью.

Первое, на что Тан Фан обратил внимание, зайдя во дворец, была его обстановка. Его предположение только окрепло, однако лицо оставалось все таким же спокойным и сдержанным.

В главном зале дворца стояло и сидело несколько человек. В центре восседал мужчина средних лет в желтом шелковом платье с круглым воротом. Не растерявшись, Тан Фан почтительно опустился на колени со словами: «Этот чиновник Тан Фан приветствует Ваше Величество».

— Не нужно церемоний, – лениво проговорил Император Чэнхуа. Он вовсе не притворялся, а действительно был очень ленивым человеком.

Поблагодарив его, Тан Фан поднялся и замер, вежливо сложив руки и не поднимая головы. Его лицо по-прежнему оставалось очень спокойным.

Императора Чэнхуа несколько не волновало появление столь незначительного персонажа. Он уже и не помнил, как три года назад похвалил того, назвав «настоящим талантом с превосходными манерами». Он очень устал, но то, что произошло сегодня, было слишком серьезно. Даже три первых министра все еще не покинули дворец, так что Императору пришлось собрать последние остатки сил. Он вопросительно посмотрел на Ван Джи:

— Служащий Ван, это ты порекомендовал его, так что говори.

— Слушаюсь, – почтительно ответил Ван Джи. Сейчас в нем не было ни капли того высокомерия, с которым он общался с Тан Фаном за пределами дворца.

— Тан Фан, – обратился к нему Ван Джи.

— Чиновник слушает, – Тан Фан все еще стоял, наклонив голову. Вообще, без разрешения Императора чиновники не могли поднять глаз на священного Сына Небес. Это было бы крайне неуважительно. Но даже так, только зайдя в зал, Тан Фан успел быстро окинуть взглядом всех присутствовавших.

Среди них были Император и Наследный принц.

Здесь также присутствовали Ван Ань, Лю Суо и Лю Цзи – та самая троица, в шутку величаемая «бумажными министрами». Эти старейшины заняли самые высокие должности в империи и разделили власть между собой.

Кроме того, тут также было несколько слуг, дворцовых служанок и императорских гвардейцев.

В зале собралось много народу, но все молчали, не смея издать ни звука.

Лишь потрескивающее пламя свечей изредка нарушало тишину.

Тан Фан краем глаза заметил ширму позади императора, за которой виднелся чей-то силуэт.

Личность этого скрытого от посторонних глаз человека угадать было несложно.

Ван Джи тем временем уже начал рассказывать о причине, по которой его в такой спешке привели во Дворец.

Нынешним Наследным принцем Восточного дворца был Чжу Ютан. И хотя он вырос во дворце, жизнь у него выдалась тяжелая, да и Наследным принцем он стал лишь три года назад.

Но после того, как принцу был дарован титул, его принялись тщательно обучать в соответствии с его положением.

У него были самые лучшие учителя, но помимо них, принцу также требовались и соученики-компаньоны.

Компаньоны для принцев обычно выбирались из дворцовых евнухов, но иногда ими становились сыновья или племянники министров. Одним из нынешних компаньонов принца был Хань Цзао. Его отец, Хань Фан раньше был учителем императора Чэнхуа.

Из-за проблем со здоровьем он хотел уйти в отставку два года назад, но Император очень ценил своего старого учителя, а потому даровал ему номинальный титул Советника наследного принца и позволил его сыну Хань Цзао войти во дворец в качестве компаньона принца.

Компаньон – это не раб, которого наказывали вместо принца, когда тот не желал учиться, а настоящий товарищ по учебе и играм. Хань Цзао был примерно того же возраста, что и принц. Они весь день вместе читали и неплохо ладили друг с другом.

Но сегодня во время занятий с принцем Хань Цзао внезапно закричал, что у него болит живот. Послали за доктором, но не успел тот прийти, как Хань Цзао упал наземь уже бездыханным.

Вот так дела!

В Восточном дворце поднялся переполох, немедленно прибыл Императорский лекарь, но, тщательно осмотрев его, он так и не смог установить причину смерти Хань Цзао.

Так уж получилось, что незадолго до произошедшего Благородная наложница Ван послала в Восточный дворец две чашки фасолевого супа с лилиями.

Принц не стал пить его, а вот Хань Цзао выпил.

И вот что из этого вышло.

Все знали, что у Благородной наложницы Ван раньше был сын, который являлся первенцем Императора, но вскоре после рождения он умер. Позже наложница Бай также родила сына, который стал Наследным принцем, но не прошло и двух лет, как умер и он. С тех пор в Императорском гареме больше не появлялось наследников. Поговаривали, что было это из-за того, что Благородная наложница Ван не позволяла девушкам из гарема рожать сыновей.

Но даже с жестокостью госпожи Ван, нынешний Наследный принц смог появиться на свет. И все мытарства, что он пережил, не могли не вызвать в сердцах окружающих сочувствия.

Казалось бы, причина по которой умер Хань Цзао была ясна, и это дело не нуждалось в дальнейших разбирательствах.

Будучи любимой женщиной Императора, Благородная наложница Ван вряд ли бы особо пострадала. К тому же Наследный принц был жив. Да даже если бы он и умер, это едва ли бы что-то изменило. Сейчас наиболее разумным выходом было бы попытаться под любым предлогом замять это дело – никто бы не посмел ничего возразить.

Но не все было так просто: узнав о случившемся, Благородная наложница была крайне ошеломлена. Вся в слезах она прибежала к Императору и принялась клятвенно заверять его, что происшедшее не имеет к ней никакого отношения. Она настояла на тщательном расследовании этого дела, желая выяснить правду и вернуть себе доброе имя!

Из-за того, что в это дело были вовлечены и Наследный принц, и Благородная наложница Ван, и другие придворные, в том числе сын старого учителя Императора Чэнхуа, Его Величество не мог справиться с головной болью. Ему ничего не оставалось, кроме как позвать во дворец первых министров, дабы те дали ему какой-нибудь совет.

В обязанности первых министров входило управление страной. Эти трое старейшин из Кабинета только и делали, что праздно проводили время и кое-как выполняли возложенные на них задачи. Они, конечно же, были просто не в состоянии раскрыть это дело.

Главный советник Ван Ань взглянул на произошедшее с точки зрения общеполитической ситуации. Он предложил Императору не заострять особого внимания на этом деле. К счастью, Его Высочество Наследный принц не пострадал, а что касается Хань Цзао, то Двор должен щедро компенсировать семье Хань его смерть, и все будут счастливы!

Но Благородная наложница Ван была категорически не согласна с таким решением. Она настаивала на своей полной невиновности, хотя далеко не каждый верил ее словам.

Она прекрасно понимала, что все знают о ее ненависти к Наследному принцу и желании поскорее избавиться от него. Именно ее больше всех подозревали в произошедшем, поэтому, если бы Император замаял это дело, она бы уже никогда не смогла очистить свое доброе имя.

Его любимая женщина так настаивала на расследовании, что императору Чэнхуа ничего не оставалось, кроме как пригласить во дворец старейшин и оповестить семью Хань о произошедшем.

Наследный принц не стал пить фасолевый суп с лилиями, и его чаша была отдана Хань Цзао, а вторую выпил один из маленьких евнухов принца.

С евнухом ничего не случилось, тогда как Хань Цзао умер.

Еще до того, как Тан Фана привели во дворец, место происшествия тщательно осмотрели: сладкий суп был выпит без остатка, поэтому проверить, отравлен ли он, не представлялось возможным. На ложке и чаше же ядов обнаружено не было.

Если дело было в фасоловом супе с лилиями, то почему со слугой ничего не произошло?

Может, яд был лишь в чашке Хань Цзао?

Служанка из дворца Благородной наложницы Ван, принеся суп, отказывалась признать, что подсыпала в него что-то.

Хань Цзао был лишь ребенком, откуда у него взяться врагам? Очевидно, что целью был Наследный принц. Но кто мог ненавидеть его настолько сильно?

Во всем дворце был только один человек, способный на такое.

Но говорить о подобном было бы слишком опрометчиво. К тому же и доказательств никаких не было, поэтому, когда предложение советника Ван Аня было отклонено Благородной наложницей Ван, он благоразумно закрыл свой рот, дабы не обидеть ее.

Первый министр Ван и Благородная наложница Ван, хоть и носили одинаковую фамилию, не имели друг к другу совершенно никакого отношения. Тот знал, что Благородная наложница Ван была любимицей Императора Чэнхуа, поэтому старался сделать все возможное, чтобы сойти за ее родственника, благодаря чему и упрочил свое положение первого министра.

Конечно же, в глазах окружающих его поведение считалось чем-то позорным. Многие за глаза звали его «Да здоровствует первый министр». Для других старейшин Кабинета также были придуманы забавные прозвища. Так Третьего советника Лю Цзи за спиной кликали «Хлопковым Лю», поскольку он был необычайно бесстыж и ни капли не стыдился своих проступков.

Итак, ни в супе, ни в чашах не было обнаружено следов яда. Доктор никак не мог измерить пульс у покойника, а потому был не в состоянии точно сказать, был ли Хань Цзао чем-то болен. Однако, по словам евнуха и Наследного принца, Хань Цзао чувствовал себя прекрасно, и у него не было никаких проблем со здоровьем.

Если его действительно кто-то отравил, никто бы не поверил, что какой-то маленький компаньон-соученик был целью убийцы. Всякий бы решил, что это спланированное покушение на Его Высочество Наследного принца.

Если начать расследование, кто знает, сколько нежелательных Дворцовых секретов будет раскрыто, сколько неприятностей придется пережить, и сколько людей распрошется со своими жизнями? Нельзя сказать, что император Чэнхуа совсем не любил Наследного принца. Его любовь к сыну была лишь недостаточно сильной. Принц с рождения рос вдалеке от него, да и титул тому был дарован лишь ради поддержания порядка в стране. Император Чэнхуа не жалел для него ничего, но не желал поднимать шум и влипать из-за него в неприятности. Тем более, в глубине души он подозревал, что это дело может быть как-то связано с его любимой Благородной наложницей Ван.

Наследный принц был достаточно умен, и хоть и был сильно опечален смертью своего компаньона, не плакал и не кричал, требуя отомстить за смерть своего маленького друга. Когда Император спросил его мнения на этот счет, тот ответил, что повинуется любому решению своего отца.

Все желали замять это дело, но Благородная наложница Ван была против.

Его Величество пребывал в растерянности. Он не хотел перечить своей любимой женщине.

Дело зашло в тупик. Задолго до того, как он распорядился привести во Дворец Тан Фана, он обратился к двум своим самым доверенным евнухам: Шан Мину из Восточной Ограды и Ван Джи из Западной.

Желая выслужиться, Шан Мин немедленно предложил передать это дело Восточной Ограде. Однако Ван Джи сразу догадался, чего же на самом деле хочет Император: выяснить правду без лишнего шума. Император желал тайного расследования, чтобы в случае, если будет обнаружена какая-то связь с Благородной наложницей, можно было немедленно закрыть дело.

Именно поэтому он и порекомендовал Императору подходящего для этого человека – Тан Фана.

Ван Джи порекомендовал Тан Фана по одной простой причине: Тан Фан был очень умен. Сейчас он был младшим магистратом префектуры Шунтянь и прекрасно подходил на эту роль. Кроме того, в прошлом деле князя Ву Аня он также показал неплохие результаты, а значит, ему можно было доверить расследование.

Император согласился, и Тан Фана доставили во Дворец.

Окружающим оставалось только удивляться, когда это Тан Фан так сблизился с Командующим Ваном. Внимательно выслушав все, что ему говорили, Тан Фан лишь криво усмехнулся: Ван Джи снова толкал его в пропасть. Никто в здравом уме не согласился бы заниматься столь заковыристым делом!

Этот молодой евнух Ван действительно был слишком высокомерен и своенравен. Недолго думая, он просто взял и бросил Тан Фана в самое пекло!

— Тан Фан, я поведал тебе обо всех обстоятельствах дела. Что ты думаешь по этому поводу? – обратился к нему Ван Джи.

Тан Фан чувствовал сильную неприязнь к Ван Джи, который, пользуясь своим положением, принуждал окружающих плясать под его дудку против их воли.

Но он был не в том положении, чтобы предъявлять претензии. Сейчас, когда его уже толкнули в клетку со львом, у него не было права отказывать Императору и Кабинету министров. Ему ничего не оставалось, кроме как подавить свой гнев и начать размышлять о том, как решить эту задачу.

Немного подумав, он ответил:

— Возможности этого чиновника ограничены. В присутствии Вашего Величества и господ Первых министров я бы не посмел говорить ерунду. На данный момент я лишь в общих чертах знаю, что же произошло. Я еще не видел тела Хань Цзао и не опросил свидетелей, поэтому пока мне нечего сказать.

Услышав такие слова, император Чэнхуа был немного разочарован. Он, конечно же, не ожидал, что Тан Фан тотчас по приходу раскроет это дело, ведь он не был каким-то сверхъестественным божеством, но все же не сдержался и упрекнул Ван Джи:

— Служащий Ван, не ты ли только что говорил о том, какой этот человек потрясающий? Как по мне, так он такой же, как те цензоры снаружи, что только говорить и горазды!

Тан Фан замер, молча глядя в пол, как будто Император вовсе и не про него говорил.

Ван Джи посчитал, что Тан Фан еще просто не оценил его великодушия, и посему, как деревянный болванчик, стоял тут, не торопясь продемонстрировать свою признательность. Он поспешно заговорил:

— Ваше Величество, позвольте сказать: сейчас еще ничего не ясно, слишком рано делать какие-то выводы. Ваше Величество, осмелюсь попросить дать Тан Фану немного времени, чтобы он смог все внимательно изучить. Смею напомнить Вашему Величеству, что в одиннадцатый год правления Вашего Величества Тан Фан занял первое место во втором ранге и был удостоен личной похвалы Вашего величества во время церемонии награждения в Золотом дворце!

Дабы доказать, что он не ошибся в выборе человека, Ван Джи обратился к событиям прошлого. Император Чэнхуа приподнял уставшие веки, смутно припомнив что-то подобное. Его впечатление о Тан Фане немного улучшилось.

— Коли так, Тан Фан, поручаю это дело тебе, но... – Император перевел взгляд на Ван Джи.

Ван Джи понял, что тот имел в виду, и незамедлительно проговорил:

— Это дело первостепенной значимости, ты не можешь распространяться о нем, иначе будешь строго наказан.

Взгляды присутствующих были устремлены на Тан Фана. Но то, что он ответил, повергло всех в шок:

— Чиновник не смеет подчиниться приказу.

Что?!

Этот человек сошел с ума?!

Он сам-то понимает, что сказал?!

Как он смеет показывать тут свой характер?

Все в Зале, включая служанок и стражников, в удивлении уставились на Тан Фана.

Первый министр Ван Ань выкрикнул:

— Какая наглость, Тан Фан! Как посмел пойти против священной воли Его Величества? В тебе нет ни капли почтения!

Ван Джи был в ярости. Он предполагал, что Тан Фан, возможно, будет не в восторге от того, что его втянули в это дело, но у Ван Джи на него были свои планы. И даже если Тан Фану они не нравились, все, что он мог, это покорно принимать его волю! Как он посмел возражать? Да кем себя возомнил этот мелкий магистратик шестого ранга? Император сказал свое слово, а он ему: «Не смею подчиниться приказу»?! Это могло быть расценено как оскорбление Его Величества!

— Тан Фан, ты в своем уме? Ты не понял, где ты находишься? Как смеешь вести себя столь самонадеянно? Скажешь еще хоть слово – и повторишь судьбу Сян Чжуна с Шан Реном!

Сян Чжун был бывшим военным министром, а Шан Рен – бывшим Первым министром. Им обоим пришлось покинуть свой пост, потому что они посмели выступить против Ван Джи. Один был смещен с должности, а второй сам подал в отставку. И позаботился об этом именно Ван Джи. Очевидно, он таким образом пытался запугать Тан Фана, чтобы тот впредь думал, что говорит, а не то закончит как они.

Ван Ань мог лишь покачать головой: кажется, гнев затмил командующему Вану разум, и он перестал осознавать, что говорит. Тан Фан был лишь младшим магистратом шестого ранга, а тот сравнивал его с Сян Чжуном и Шан Реном! Разве он тем самым не поставил Тан Фана с ними в один ряд?

Император Чэнхуа, нахмурившись, недовольно глядел на Тан Фана.

У него была одна хорошая сторона: он не был кровожадным Императором. Если ему кто-то не нравился, и он хотел проучить его, Император просто одним махом руки лишал его должности, понижал или отправлял в ссылку.

Наследный принц Чжу Ютан, не проронив ни слова, с любопытством смотрел на Тан Фана.

С момента происшествия прошло уже много времени. В этот час он обычно уже спал, но поскольку дело касалось непосредственно его, он не мог уйти отдыхать. Однако его лицо оставалось по-прежнему спокойным, без малейшего признака нетерпения. Принц немного устал, но продолжал в почтительной позе стоять подле отца.

Дождавшись, пока Ван Джи закончит свою полную праведного гнева речь, Тан Фан вежливо сложил руки и спокойно ответил:

— Ваше Величество, позвольте сказать. Как младший магистрат, этот чиновник может осмотреть мертвых, но не живых. Судя по тому, что уже известно, дело это чрезвычайно сложное, намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Поэтому, если Ваше Величество возложит сие бремя на плечи этого чиновника, этот чиновник не посмеет отказаться. Но есть одна вещь, которую ему необходимо знать до того, как он начнет расследование. Ваше Величество, прошу простить этого чиновника.

— Просто спрашивай, – вздохнул Император Чэнхуа, – Я прощаю тебя.

Тан Фан кивнул:

— Тогда этот чиновник осмелится спросить. Ваше Величество может с уверенностью сказать, что Благородная наложница Ван не имеет к этому делу никакого отношения?

Это заявление поразило окружающих даже больше, чем предыдущее.

Они решили, что Тан Фан не просто сошел с ума, а вообще лишился рассудка!

Подобные подозрения закрадывались в голову каждому, но все молчали! Как он вообще

додумался задать этот вопрос Императору?

Первый министр Ван Ань сначала очень удивился, а затем, взглянув на это с другой стороны, лишь покачал головой: невероятно! Просто невероятно! Тан Фан знал о том, что тот человек сейчас присутствовал здесь, поэтому специально задал этот вопрос, дабы подстраховаться: он хотел узнать позицию главного подозреваемого на случай, если тот захочет плести интриги против него в будущем.

Ван Ань тотчас вспомнил, что именно из-за него три года назад первое место в Императорском экзамене ускользнуло из-под носа этого молодого человека.

Пока Ван Ань размышлял об этом, человек за ширмой, как и ожидалось, потерял над собой контроль и, придя в ярость, покинул свое место:

— Если это сделала я, то пусть меня поразит гром! Но если это не так, то пусть небеса покарают всю твою семью!

Примечания переводчика:

Автор после этой главы ничего не говорит, только жалуется, что книга не пользуется популярностью(

А я закончила отдыхать и вернулась к переводу) Кстати, успела перевести ост из Сыщика, который исполняют три главных актера. Перевод скоро появится в группах «Уголок СуйТанов» и «Яойный Яой», не пропустите, песня очень... очень ;D

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1406533>